

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

Все счастливые семьи...

	3	АНТОНИУ ЛОБУ АНТУНЕС А мне что делать, когда все горит? Фрагменты романа. Перевод с португальского Екатерины Хованович
	62	ДАГОБЕРТО ГИЛЬ Дядя Рок. Рассказ. Перевод с английского А. Светлова
	70	ПЕТЕР ФАРКАШ Восемь минут. Повесть. Перевод с венгерского и вступление Ю. Гусева
	128	ФРУДЕ ГРЮТТЕН Песни пчелиного улья. Главы из романа. Перевод с норвежского Веры Дьяконовой
	142	ТЕРЕЗА БОУЧКОВА Год петуха. Фрагмент романа. Перевод с чешского Нины Фальковской. Послесловие Инны Безруковой
	197	МАРГАРЕТ ЭТВУД О сиротах. Миниатюра. Перевод с английского Т. Казавчинской
Из семейного архива	201	ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ Наш старший брат. Фрагменты книги. Перевод с польского и вступление К. Старосельской
Документальная проза	228	РОСА МОНТЕРО Истории страсти. Главы из книги. Перевод с испанского и вступление Марины Киеня
ВВ	256	АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ "Семья эволюционирует..."
Статьи, эссе	265	СВЕТЛАНА СИЛАКОВА Новые слова для новой семьи
Наши интервью	269	Новые детские книги – мосты между взрослыми и детьми. С Ириной Балахоновой, главным редактором издательства "Самокат", беседует Наталья Мавлевич
Библиофил	275	Среди книг с Верой Калмыковой
	278	У монитора со Светланой Силаковой
Авторы номера	283	

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ

“Семья эволюирует...”

“...Семья эволюирует, и потому прежняя форма распадается. Отношения полов ищут новой формы, и старая форма разлагается. Какая будет новая форма, нельзя знать, хотя многое намечается. Может быть большое количество людей, держащихся целомудрия; могут быть браки временными и после рождения детей прекращаться, так что оба супруга после родов детей расходятся и остаются целомудренными; могут дети быть воспитываемы обществом. Нельзя предвидеть новые формы. Но несомненно то, что старая разлагается...”¹.

Несколько старомодная стилистика наведет опытного читателя на мысль, что эти слова сказаны не каким-нибудь современным разрушителем семьи и сказаны не сегодня. Но все же, думаю, многие удивятся, узнав, что они принадлежат Льву Николаевичу Толстому, столь определенно признавшему необратимость изменения древнейшего и почтеннейшего социального института еще в позапрошлом веке.

Отдавая должное проницательности великого писателя, едва ли можно предположить, что причины краха старой формы семьи были понятны ему до конца. Во времена Толстого явственно ощутимые тектонические сдвиги в жизни европейских обществ, сильно затронувшие уже и Россию, связывались в сознании мыслящих людей прежде всего с быстрыми экономическими и политическими переменами, с ростом городов, с развитием промышленности, науки, образования. Казалось, что этими переменами можно объяснить и новейшие изменения семьи, в них видели неизбежное следствие городского образа жизни, а на него многие смотрели косо. В итоге такого рода объяснения тесно переплетались с морализированием, с осуждением падения семейных нравов, хотя у новых семейных порядков были и защитники. Раскол во взглядах на семью был частью общего раскола в общественных представлениях, раскола, неизбежного при эпохальных переменмах.

Увы, морализирование, страсти, пронизывавшие споры о семье, лишь указывали на больное место, но отнюдь не способствовали действительному пониманию проблемы. Видя связь новейшей эволюции семьи с общими историческими сдвигами, даже проницательные наблюдатели не придавали большого значения небывалым демографическим переменам — очень глубоким, но поздно замеченным. А между тем именно они до глубочайших оснований потрясли весь тысячелетний строй семейной жизни и сделали невозможным его сохранение.

Промышленная революция в Англии конца XVIII столетия была ясно осознана уже в середине XIX. О демографической же революции — условно ее начало можно отнести ко времени открытия Дженнером вакцинации оспы, то есть к тому же концу XVIII столетия, — стали смутно догадываться лишь в первой половине XX века (“Демографическая революция” — название книги Адольфа Ландри, вышедшей в 1934 году). Далеко не сразу сложился круг идей, объединенных позднее в концепции “демографического перехода”. И только в 1980-х годах бельгиец Рон Лестег и голландец Дирк ван де Каа сформулировали концепцию “второго демографического перехода”, указав тем самым на связь современной эволюции семьи и семейных отношений непосредственно с демографическими изменениями.

Поразительное символическое совпадение: работа Дженнера увидела свет в том же 1798 году, что и первое издание знаменитой книги Мальтуса “Опыт закона о народонаселении”. Тьмы и тьмы критиков Мальтуса издевались над его утверждением, что “население удваивается каждые 25 лет”, хотя ничего подобного Мальтус не говорил. Он писал: “Если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается каждые 25 лет”. Но препятствия-то всегда были. Мальтус указывал на два рода препятствий — разрушительные и предохранительные. В додженнеровскую эпоху правили бал разрушительные препятствия, действие которых суммировалось в чрезвычайно высокой смертности, в предохранительных же препятствиях (ограничении потомства) особой нужды не было. Напротив, все культурные установления были направлены на поддержание высокой рождаемости, которая одна только могла противостоять высокой смертности и обеспечивать непрерывность существования человеческих популяций.

В этом и был главный смысл традиционной семьи. Она была синкретическим институтом, выполняла одновременно много разных функций, но все они объединялись вокруг

центрального функционального ядра — производства потомства. Существовая всегда в условиях высокой смертности, семья не могла не быть нацелена на поддержание высокой рождаемости. Выполнение этой миссии семьи обеспечивалось многими социальными механизмами, основным же, и самым надежным среди них, была предписывавшаяся культурой, религией, светскими законами слитность, неразделимая сцепленность трех видов поведения: матримониального, сексуального и прокреативного. Брак почти обязателен и пожизнен, секс без брака — греховен и преступен, секс в браке — “супружеская обязанность”, внебрачный ребенок — позор для женщины, рождение ребенка в браке — божья благодать, бесплодие — божье наказание, намеренное отделение секса от зачатия или рождения (предупреждение зачатия, плодизгнание) — недопустимы.

Нарушения всех этих установлений стары как мир, но они всегда — прискорбное исключение из правил, всегда грех, преступление, нечто аморальное и асоциальное, неизбежно ведущее в ад, в лучшем случае — под колеса паровоза. Большинство же людей следовали общепринятым азам семейного поведения, рожали, сколько могли, платили огромную дань высокой смертности и худо-бедно поддерживали устойчивость человеческих популяций и даже обеспечивали их рост, впрочем, очень медленный, не очевидный. Как писал наш известный демограф Б. Урланис, “еще в XVIII веке направление динамики населения было неясно. Так, например, Монтескье, Кенэ и Мирабо-отец полагали, что население непрерывно убывает... Лишь в конце XVIII века факт роста населения стал ясен большинству современников, и голоса о том, что население уменьшается, смолкли”¹.

Смолкли они не случайно. Именно в конце XVIII века появились верные признаки того, что извечные “разрушительные препятствия”, ограничивавшие рост населения, стали ослабевать, тысячелетний баланс рождений и смертей оказался под угрозой. Нарушение этого баланса и беспокоило Мальтуса. Он мог наблюдать только первые слабые признаки снижения смертности (в XVIII веке в Европе они уже были) и не способен был даже и вообразить того обрушения этих препятствий, какое произойдет в постдженнеровском мире. Но и того, что он разглядел, продемонстрировав тем самым незаурядную зоркость или интуицию, какая дается единицам из

1. Б. Ц. Урланис. Историческая демография. Избранные труды. — М.: Наука, 2007, с. 63.

миллионов, было достаточно, чтобы встревожиться. Что делать?

Ответ Мальтуса был прост: нужно изменить поведение семей, противопоставить ослаблению “разрушительных препятствий” усиление препятствий “предохранительных”, к которым Мальтус относил “воздержание от супружества, сопровождаемое целомудрием”. Он рекомендовал своим соотечественникам поздние браки – для их же блага: “При уверенности, что они выйдут замуж в 28 или 30 лет женщины, без сомнения, по собственному выбору, скорее пожелали бы дождаться этого возраста, чем к двадцати пяти годам уже быть обремененными многочисленной семьей”.

Громко прозвучавшие, вызвавшие шквал не утихающей до сих пор критики предложения Мальтуса, сделавшие его знаковой фигурой своей эпохи, не содержали между тем ничего нового. Он лишь, если уместно так сказать, подвел теоретическую базу под сложившуюся практику. Как было показано много позднее, в Европе к этому времени сформировался новый, “европейский” тип брачности – поздней и невсеобщей, то есть именно такой, к какой призывал Мальтус. По оценке исследователя этого феномена Джона Хайнала, в XVIII веке “европейская” брачность была широко распространена к западу от прямой линии, соединяющей Петербург и Триест.

Но в Средние века и в Европе было не так. Хайнал цитирует Пролог Батской ткачихи из “Кентерберийских рассказов” Чосера:

Пять ведь раз
На паперти я верной быть клялась,
В двенадцать лет уж обвенчалась я,
Поумирали все мои мужья.

Хайнал исследовал доступные статистические и нестатистические свидетельства по истории брака в Европе и пришел к выводу, что “в Средние века обручение детей и брак в раннем подростковом возрасте были, очевидно, распространены во всех слоях населения... Эти обычаи практически исчезли к XVIII веку”¹.

Выходит, что европейская семья “эволюционирует” очень давно, видимо, гибко адаптируясь к меняющимся условиям. Среди этих условий далеко не последним, с точки зрения существ-

1. [Хайнал] Джон Хаджнал. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. – М.: 1979, с. 45.

вованья семьи, было пусть и наметившееся только в XVIII веке снижение смертности — своеобразная “преадаптация” к ее постдженнеровской революции.

Здесь самое время остановиться и оглядеться. Мальтус, которого, в традиции марксистской критики мальтузианства, не называли иначе, как “поп Мальтус”, и в самом деле был священник англиканской церкви, что ставило предел его радикализму. Агитируя за поздние браки, он призывал к добрачному целомудрию, к moral restraint — нравственному обузданию, что, при желании, можно истолковать как ханжеское морализирование. Но это позволяло ему с чистым сердцем пропагандировать существовавшую и до него “европейскую” брачность, потому что, с одной стороны, она создавала необходимые “предохранительные” препятствия чрезмерно быстрому размножению, а с другой, — не посягала на святая святых: традиционное триединство матримониального, сексуального и прокреативного поведения людей.

Однако, как это часто бывает, практические рекомендации Мальтуса оказались намного менее долговечными, чем его теоретическое провидение. Европейская брачность могла быть эффективным “предохранительным препятствием” лишь до тех пор, пока “разрушительные препятствия”, несколько ослабев, все же еще сохраняли свою грозную силу, и смертность оставалась достаточно высокой. XIX век смешал карты, а XX вообще сделал всю игру бессмысленной.

Даже вступая в первый брак в 25–30 лет, европейская женщина успевала родить, в среднем, четверых-пятерых детей (приблизительно поровну мальчиков и девочек). В XVIII веке лишь примерно половина родившихся девочек доживала до среднего возраста матери, а это означало, что на смену тысяче женщин материнского поколения приходило столько же или чуть больше женщин из поколения дочерей, поэтому население если и росло, то очень медленно. Но в XIX веке доля выживающих детей стала быстро увеличиваться, в результате чего европейская брачность перестала справляться со своей ролью “предохранительного препятствия”. Европейские общества быстро ощутили перемены, и начался стихийный поиск новых способов поддержания ускользавшего демографического равновесия.

По мере того как увеличивалось число выживающих детей, становилось все более ясно, что сохранение демографического равновесия невозможно без еще большего сокращения рождаемости, которого уже не могла дать поздняя “европейская” брачность. Его можно было обеспечить, только снизив рождаемость в браке, для чего нужно было разру-

бить казавшуюся неразделимой связью между сексуальным и прокреативным поведением. Технически это можно сделать с помощью предотвращения либо прерывания беременности как естественного следствия полового акта. Как известно, оба эти пути получили широкое распространение, причем на первое место определенно выходит становящееся все более доступным и эффективным предотвращение беременности, вытесняющее нежелательный по многим соображениям искусственный аборт.

Для нас, однако, важна сейчас не техническая сторона разделения секса и производства потомства, а сам факт этого разделения и его культурная легитимация. Небывалое снижение смертности не просто создало возможность автономного, то есть отделенного от прокреации, сексуального поведения — оно сделало его необходимым, перевело его из разряда возможного в разряд должного. О том, что происходит, если при снижении смертности прежняя сцепленность сексуального и прокреативного поведения сохраняется, говорит демографический взрыв в развивающихся странах. В Англии XIX века пропаганда отделения секса от зачатия или рождения детей воспринималась как экстравагантная и мало приличная затея небольшой кучки гонимых “неомальтузианцев”. Сегодня в Китае, Индии или Иране, во многих десятках других развивающихся стран как можно более скорое внедрение этой “затеи” оказывается настолько важным, что становится одной из главных забот правительств, каковые и добиваются его с разной степенью решительности и успешности, иногда сильно рискуя своей популярностью, а иногда получая общественную поддержку, включая и поддержку религиозных авторитетов.

Но если снижение смертности безоговорочно требует разрушения неразделимой триады матримониального, полового и прокреативного поведения, то тем самым оно неизбежно убивает традиционную семью и традиционный брак.

В самом деле, если секс не привязан жестко к рождению детей, то почему он должен быть привязан к браку? Почему брак должен быть привязан к производству потомства, а не может рассматриваться как самостоятельная ценность? Стоит потянуть за эту веревочку, и сразу всплывает вопрос: что плохого в однополых браках? Почему браки не могут быть временными — и не обязательно с сохранением целомудрия после их распада, что специально оговаривал Толстой?

Список этих вопросов может быть продолжен. Их задает не автор статьи — упаси Бог! — их задают сотни миллионов, а может быть, и миллиарды людей, пусть и смутно, но осознаю-

щих новизну ситуации. Миллионы и миллиарды людей в разных странах вступают в полосу поиска, который длится уже на протяжении жизни нескольких поколений и приводит к постепенному преодолению инерции прошлого, отказу от сложившихся установлений. Мало-помалу вырабатываются новые институциональные формы и новая культурная регламентация индивидуальной, частной, личной жизни людей, трассирования их индивидуального жизненного пути.

Понятно, что они двигаются ощупью, поиск ведется единственным возможным в таких случаях путем — методом проб и ошибок, идет отбор наиболее конкурентоспособных, эффективных форм и норм, причем, в силу их исторической новизны, как правило, сразу нельзя сказать, имеют ли они окончательный или промежуточный, переходящий характер. Очень непросто взвесить плюсы и минусы происходящих перемен.

Обособление сексуального поведения от прокреативного повышает самооценку сексуального поведения и его гедонистической составляющей. Союз мужчины и женщины становится более интимным, в одних случаях более глубоким, в других — более поверхностным, но всегда не слишком требующим внешнего, официального оформления брачных уз.

Новое значение приобретает избирательность в поиске долговременного партнера в супружестве, но понижаются требования к кратковременным сексуальным партнерам, связь с которыми вовсе не обязательно превращается в прочный брак. Такие связи воспринимаются и самими партнерами, и социальным окружением как подготовка к браку, как эпизоды на пути проб и ошибок, что было совершенно несвойственно для традиционного брака. Он не признавал права на ошибку, заключался в молодом возрасте раз и навсегда, а часто — не по воле и даже против воли будущих супругов.

В то время как традиционная семья предоставляла человеку единственный, более или менее однотипный даже в разных культурах вариант организации его частной жизни, в современных условиях перед ним открывается огромное разнообразие равноправных и признаваемых или, во всяком случае, обсуждаемых обществом вариантов. Некоторая часть людей проживает жизнь в одиночестве, большинство все же имеет партнеров, обзаводится детьми. Всякое ли партнерство или родительство дает основание говорить о семье? Это вопрос, скорее, терминологический, возможно, вопрос самоопределения, субъективного ощущения себя членом семьи либо временным постояльцем.

Попытаемся бегло перечислить разные жизненные варианты, которые позитивно или негативно ассоциируются в нашем сознании с понятием “семья” в его традиционном значении.

Вследствие исчезновения слитности матримониального, сексуального и прокреативного поведения возраст полового дебюта все чаще перестает совпадать с возрастом вступления в брак, момент начала фактического брака, даже если брак впоследствии и регистрируется, отделяется от момента регистрации, время зачатия или рождения детей становится мало связанным со временем начала фактических брачных отношений.

Соответственно, наряду с привычным единственным типом брака, начинающегося с регистрации и продолжающегося до конца жизни одного из супругов, существуют нерегистрируемые браки, браки, начавшиеся без регистрации, а затем зарегистрированные, повторные браки как после формального развода, если брак был зарегистрирован, или овдовения, так и после прекращения предыдущего официально неоформленного сожителства, причем повторные браки еще чаще, чем первые, могут оставаться незарегистрированными, не переставая от этого быть браками. Естественной частью этого безграничного континуума становятся и однополые браки или сожителства.

Есть браки сознательно бездетные, малодетные и многодетные. Если добавить к этому, что дети рождаются как в браке, так и вне брака, брачные партнеры, зарегистрированные или нет, нередко имеют детей от разных браков, а так как развод не стигматизируется, то дети поддерживают отношения с обоими родителями и нередко ощущают себя членами двух новых семей, образовавшихся после развода родителей, — получается очень сложная мозаичная картина.

Прокреативное поведение не только отделилось от сексуального и матримониального, но и само усложнилось и дифференцировалось, придав новые измерения понятию родительства. Оно не было однозначным и прежде. Социальное родительство — усыновление, удочерение — существовало, наряду с биологическим, всегда, было социально одобряемым, но оно никак не затрагивало прокреативного поведения. Напротив, биологическое родительство, отделенное от социального (“незаконнорожденность”) — что тоже, конечно, не новость, — как правило, социально осуждалось, было чем-то маргинальным. Но теперь появление и развитие новых репродуктивных технологий — экстракорпорального оплодотворения, в том числе с использованием донорского генетического материала, суррогатного материнства, —

породило массу новых вариантов прокреации и связанных с ними вариантов родительства.

Семья, как видим, “эволюирует” очень основательно. Куда приведет этот дрейф? Боюсь, нам это еще менее ясно, чем Толстому более ста лет назад. Поиск продолжается. Хотя он ведется коллективно, он ставит вопросы и перед каждым отдельным человеком, которому постоянно приходится делать моральный выбор, балансировать между старыми и новыми ценностями, нередко принимать болезненные решения.

И все же, мне кажется, пик драматизма и даже трагизма личных ситуаций, несколько столетий питавших искусство всех жанров, уже пройден. Страсти, сопровождающие личную, интимную жизнь человека, еще бушуют, но для сегодняшнего общества это какой-то бытовой, рядовой уровень, какой едва ли способен вдохновить на новую “Госпожу Бовари” или “Анну Каренину”, даже на новую “Монахиню”. Тем не менее литература, театр, кинематограф, живопись, в той мере, в какой они остаются искусством и не смешиваются с общезыгущим гламуром, сохраняют роль разведчика, “вперед смотрящего”, обнаруживающего и обнажающего все новые и новые драматические коллизии нашего индивидуального бытия. Оставим им право на разведку, на заблуждения и на боль, они помогают осмыслить новую реальность каждому из нас. И, пожалуй, единственное, чего, мне кажется, не следует делать, так это метать громы и молнии по поводу каждого нового поворота массового поиска рода человеческого, оказавшегося в исторически небывалых обстоятельствах. Здесь, как и везде, особенно опасен тот, кто “знает, как надо”.